

Вопрос миграции гражданского населения
в работе Смешанной комиссии по репатриации
в 1921–1924 гг.

Ольга Н. Боровская

*Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь,
borovskaya-olga@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг., выделяются основные проблемы в ее функционировании. Работа комиссии находилась в тесной взаимосвязи с существующим положением советско-польских отношений. Напряженность в установлении дипломатических связей между сторонами оказывала влияние на общий ход репатриации. Акцентируется внимание, что с самого начала работы Смешанной комиссии по репатриации выявилось нежелание польской стороны решать спорные вопросы. Разногласия начались при обсуждении вопроса о персональном обмене, который в соответствии с дополнительным протоколом к соглашению 24 февраля 1921 г. должен был проводиться в первую очередь. В статье показан процесс сотрудничества Смешанной комиссии по репатриации с органами, занимающимися вопросами улучшения материального и санитарного положения репатриантов: отделениями Общества Красного Креста, Центральным управлением по эвакуации населения (Центрэвак) РСФСР.

Ключевые слова: репатриация, Смешанная комиссия по репатриации, Центрэвак, военнопленные, беженцы

Для цитирования: Боровская О.Н. Вопрос миграции гражданского населения в работе Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 157–168. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-157-168

The issue of migration of the civilian population in the work of the Mixed Commission on Repatriation in 1921–1924

Olga N. Borovskaya

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus, borovskaya-olga@mail.ru*

Abstract. The article examines the activities of the Mixed Commission for Repatriation in 1921–1924, highlights the main problems in its functioning. The work of the commission was in close connection with the existing state of the Soviet-Polish relations. The tension in establishing diplomatic ties between the parties greatly influenced the general course of repatriation. Attention is drawn to the fact that from the very beginning of the work of the Mixed Repatriation Commission, the reluctance of the Polish side to resolve controversial issues was revealed. Disagreements began when the parties started discussing the issue of personal exchange, which, in accordance with the additional protocol to the agreement of February 24, 1921, was to be carried out in the first place. The article shows the process of cooperation of the Mixed Commission for Repatriation with the bodies involved in improving the economic and sanitary conditions of the repatriates – with the branches of the Red Cross Society, the Central Directorate for the Evacuation of the Population (Tsentrevak) of the RSFSR.

Keywords: repatriation, Mixed Repatriation Commission, Tsentrevak, prisoners of war, refugees

For citation: Borovskaya, O.N. (2024), “The issue of migration of the civilian population in the work of the Mixed Commission on Repatriation in 1921–1924”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 157–168, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-157-168

Проблема репатриантов времен Первой мировой войны и польско-советской войны 1919–1920 гг. приобрела особую актуальность на Рижской мирной конференции (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.). Согласно статье VII «Договора о перемирии и прелиминарных условиях мира» от 12 октября 1920 г. предусматривалось создание смешанных комиссий. Стороны были обязаны заключить соглашение по репатриации. Смешанная комиссия по репатриации тесно сотрудничала с органами, занимающимися вопросами улучшения материального и санитарного положения репатриантов: отделениями Общества Красного Креста, Центральным управлением по эвакуации населения (Центрэвак) РСФСР.

Вопрос деятельности Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг. не становился объектом самостоятельного исследования. Косвенно проблематика затрагивается в работах специалистов, занимающихся судьбой военнопленных и беженцев времен Первой мировой войны, в том числе деятельностью Центрального управления по эвакуации населения РСФСР [Белова 2014], Белорусского управления по эвакуации населения [Бабков 2012]. В историографии советско-польских отношений межвоенного периода деятельность смешанной комиссии почти не рассматривается, имеется только некоторое упоминание о ее создании и функционировании [Ольшанский 1969; Kumaniecki 1971; Цынкевич 2001; Мезга 2019; Кодин, Родионов 2021]. Как польские, так и российские, белорусские исследователи основное внимание сосредотачивают на человеческом потенциале, при этом репатриационная система, механизм репатриации польских военнопленных с лагерей Советской России на протяжении 1921–1922 гг. остается неизученным. В публикациях, имеющих на сегодняшний момент, приводятся только количественные показатели репатриированных поляков¹ [Żołędowski 2017; Оплаканская 2015]. Более детально репатриация рассмотрена в подготовленном И.И. Костюшко фундаментальном сборнике документов, где частично затрагивается вопрос нормативно-правовой базы, представлены документы о количестве репатриированных польских военнопленных². Однако практически неизученной является проблема взаимодействия центральных органов и ведомств с местными органами государственной власти и руководства лагерей, в которых содержались военнопленные. В Национальном архиве Республики Беларусь (фонды 39, 40) содержатся нормативные документы, списки репатриированных поляков. Основной объем документов по теме содержится в Государственном архиве Российской Федерации (фонды 393, 3333), Российском государственном архиве социально-политической истории (фонд 63).

Центрами функционирования комиссии являлись Варшава и Москва, но через территорию Беларуси проходил один из основных маршрутов транспортировки репатриантов. Белорусское управление по эвакуации населения как филиал Центрального управления выполняло основную функцию по санитарному, медицинскому обслуживанию. Ее работа согласовывалась и направлялась сотрудниками Смешанной комиссии, была направлена

¹ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 гг.): Документы и материалы / Подгот. публ. И.И. Костюшко. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004. 404 с.

² Там же.

в первую очередь на эвакуацию этнически польского населения, но большинство транспортированных людей (до 60%) являлись белорусами и украинцами по национальному признаку. Поэтому изучение деятельности комиссии даст ценный материал по социально-экономической истории Беларуси, международных отношений. Цель исследования – изучить деятельность Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить противоречия советско-польских отношений периода проведения Рижской мирной конференции (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.) по вопросу создания эффективной репатриационной системы; 2) показать проблемные моменты в функционировании Смешанной комиссии по репатриации в 1921–1924 гг.; 3) охарактеризовать причины приостановки массовой репатриации военнопленных, беженцев, заложников, гражданских пленнх.

Проблема военнопленных и репатриантов рассматривалась в ходе работы Рижской мирной конференции (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.). Вопросом пленнх занималась Комиссия по обмену пленнх, беженцев, заложников и интернированных лиц, во главе которой стояли председатели – Э. Залевский и И.Л. Лоренц. Согласно статье VII «Договора о перемирии» 12 октября 1920 г., предусматривалось создание Смешанных комиссий. Стороны были обязаны сразу же начать обмен военнопленных. Однако российско-украинская делегация посчитала данное условие выполнимым только при условии продолжения срока перемирия, на что не соглашались польские представители³. Закрепление основных условий осуществления репатриации произошло в «Соглашении о репатриации», подписанном 24 февраля 1921 г.⁴

Для осуществления репатриации в месячный срок были созданы две смешанные польско-российско-украинские комиссии с местонахождением в Москве и Варшаве. Каждая делегация состояла из трех членов и двух заместителей, а также необходимого технического персонала до 30 человек. В задачи двух Смешанных комиссий входило наблюдение за репатриацией населения, содействие ее организации и ускорение процесса. Членам комиссии предписывалось также вести регистрацию и учет военнопленных (составлять списки), им давалось право посещать места содержания военнопленных⁵. Было договорено, что комиссии по репатриации

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 190. Л. 5.

⁴ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР... С. 284.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 208. Л. 2–3.

приступят к работе сразу же после подписания Рижского мирного договора, не ожидая его ратификации. В первой половине апреля на советскую пограничную станцию Негорелое стали прибывать первые эшелоны из Польши.

В соответствии с положением «Соглашения о репатриации» в середине марта 1921 г. начался обмен репатриантами. Планировалось проводить его в двух пунктах пропуска на железнодорожных станциях Негорелое (с советской стороны) – Столбцы (на польской стороне), на железнодорожной магистрали Москва–Минск–Барановичи, а также на станции Здолбуново (для обеих сторон, станция находилась в Польше) на железнодорожной линии Ровно–Шепетовка–Киев⁶. Несмотря на принятый в репатриационном соглашении принцип «всех за всех», обмен не происходил симметрично. Советские власти объясняли это сложностями в получении вагонов, в которых можно было перевозить людей, и отсутствием исправных локомотивов, так как большая часть советского железнодорожного состава была повреждена и на протяжении многих лет не ремонтировалась. Второй причиной задержек была перегрузка железнодорожных магистралей, что приводило к медленному передвижению транспортов с многочисленными остановками на узловых станциях.

Советское правительство в начале апреля подтвердило состав российско-украинской делегации в Смешанной комиссии по репатриации для работы на польской территории. Аналогичная польская делегация должна была приехать в Москву (председатель С. Корсак). 11 апреля российско-украинская делегация, которую возглавлял Е.Н. Игнатов, а с ноября 1921 г. А. Оболтин, выехала в Варшаву, но по приезду на государственную границу оказалось, что по неизвестным причинам выезд польской делегации из Варшавы задерживается⁷. Это означало, что и советская делегация не может перейти границу. После двухнедельного ожидания на границе только 24 апреля делегация прибыла в Варшаву, а через четыре дня началась работа комиссии. Отделение российско-украинской делегации находилось в Барановичах, Ровно (где происходила регистрации беженцев); польской делегации – в Харькове, Петрограде, Минске и других городах.

С самого начала в работе Смешанной комиссии выявилось нежелание польской стороны решать спорные вопросы. Разно-

⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 340. Л. 17–20.

⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4: апрель 1921 г. – май 1926 г. М.: Наука, 1966. С. 19–21.

гласия начались при обсуждении вопроса о персональном обмене, который, в соответствии с дополнительным протоколом к «Соглашению» 24 февраля 1921 г., должен был осуществляться в первую очередь. Только после долгих переговоров советской делегации удалось добиться согласия польской стороны на персональный обмен небольшими группами, состав которых польские власти определяли самостоятельно. В итоге осуществление обмена затянулось на месяцы. Польская делегация, работавшая в Москве, при формировании эшелонов с репатрированными польскими гражданами отдавала предпочтение лицам польской национальности перед белорусами и евреями. Согласно «Соглашению о репатриации», возврат на родину был добровольным. Можно было отказаться, заполнив соответствующее заявление, однако такие обращения были немассовыми.

В ходе работы Смешанной комиссии по репатриации поднялся вопрос о переносе места перехода репатриантов из Негорелого в другой населенный пункт (например, Койданово). Однако в связи с процессом установления постоянной пограничной линии этот вопрос был снят⁸. Как сообщает Центральное управление по эвакуации, эшелоны с территории российских губерний прибывали на ст. Негорелое, после передавались польскому представителю. 10 августа 1922 г. российско-украинская делегация предложила открыть третий передаточный пункт на линии Полоцк–Вилейка, что облегчило бы положение репатриантов. В итоге польское правительство не согласилось на это предложение, однако желало создать дополнительные представительства комиссии по репатриации в местах, где будут сосредотачиваться значительные массы беженцев.

До конца 1921 г. основная масса польских беженцев была репатрирована. В дальнейшем, вместе с возвращением на родину беженцев, велась репатриация оптантов, которая продолжалась до осени 1923 г. К началу августа 1921 г. из Польши на родину вернулось большая часть военнопленных красноармейцев, а также значительное количество заложников и беженцев. Основная масса военнопленных поляков выехала в Польшу в мае–июле. До конца августа военнопленных в России оставалось не более 7–8 тысяч человек.

Согласно письму российско-украинской делегации в Смешанной комиссии по репатриации в адрес польской делегации 22 ноября 1921 г.⁹, польская сторона выказала недовольство увеличенным числом беженцев, доставляемых к пропускным пунктам (Барано-

⁸ НАРБ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 338. Л. 212.

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 122. Оп. 4. Д. 73. Л. 73–78.

вичи – 4000 человек ежедневно, Ровно – 4000 человек ежедневно), сложным положением из-за нехватки продуктов питания и плохого санитарного состояния. Беженцы, по мнению поляков, должны были передвигаться исключительно организованным порядком, не допуская движения самостоком. Однако, согласно статье XXVII «Соглашения о репатриации», было точно определено количество беженцев, которые должны были доставляться к каждому передаточному пункту – не менее 4000 человек каждый день. При этом польская сторона не имела права отказать принимать большее количество людей. 16 и 17 ноября 1921 г. были направлены послания польской делегации, в которых польская сторона указывала на значительное число беженцев, доставлявшихся российско-украинской стороной. Польские пропускные пункты не справлялись с повышенной нагрузкой, поэтому было предложено уменьшить количество беженцев до 1000 человек в Барановичах и 500 – в Ровно. В свою очередь российско-украинская сторона жаловалась на значительные задержки движения репатриантов из-за медлительности при наложении визы польской стороной для пропуска эшелонов, в результате чего произошло скопление составов. 18 ноября польская делегация выдвинула требование об организации санитарно-питательных пунктов и строительстве барачных¹⁰. Между прочим, на ст. Негорелое был создан пункт питания, которым могли пользоваться как польские, так и советские репатрианты¹¹.

С марта по июль 1921 г. через станцию Негорелое проехали в Польшу 14 356 пленных, а через станцию Здолбуново – 7179. С территории РСФСР, БССР и УССР в Польшу вернулись 46 337 беженцев и других категорий населения, всего 67 872 чел. С июля по декабрь 1921 г. через станции вернулись на родину соответственно: 12 199 и 3791 репатриантов. После их количество значительно уменьшилось. В общем количестве с марта 1921 г., когда начался основной процесс возвращения, до середины 1922 г. в Польшу вернулись 34 839 военнопленных¹². Согласно интервью председателя российско-украинской делегации Е.Н. Игнатова «Варшавскому голосу» 29–30 июля 1921 г., из Польши в Россию и Украину по 23 июля направлено военнопленных 38 098 человек, беженцев и других категорий 1093 человека, всего 39 191¹³.

¹⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. С. 113–114.

¹¹ НАРБ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 91. Л. 40, 47, 51.

¹² Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 338.

¹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. С. 78.

22 ноября 1921 г. на заседаниях Смешанной комиссии по репатриации был поднят вопрос о делегировании польского представителя в целях его присутствия при таможенном осмотре багажа польских репатриантов. Однако ходатайство польской стороны было отклонено, так как это могло вызвать задержку в работе таможенников. Тем более что польский представитель никаким образом не мог бы повлиять на ход осмотра багажа. В итоге многочисленных переговоров было позволено присутствовать члену российско-украинской делегации, поляку по национальности К.И. Циховскому¹⁴.

Дело в том, что в ходе прохождения репатриантами Негореловской таможни Западного таможенного округа случались незаконные реквизиции личного имущества, которое не было задекларировано и описано соответствующим образом. Разрешения на неограниченный провоз имущества репатриантов было установлено только в апреле 1922 г., при условии наличия визы отдела международных расчетов Народного комиссариата финансов РСФСР. Так, в декабре 1923 г. была изъята скрипка в футляре у гражданина Садовского, музыканта по основному роду занятий¹⁵. В отдельных случаях, в ходе обращения с ходатайством в польское представительство Смешанной комиссии по репатриации, имущество и другие материальные ценности возвращались законному владельцу¹⁶.

Достаточно частым явлением был провоз значительных денежных средств, не указанных в беженских свидетельствах, надежно спрятанных в одежде (подол пиджака, брюк) или других предметах (потайная крышка чемодана). Так, 23 декабря 1922 г. на станции Негорелое работниками таможни И.А. Доменштейном и старшим контролером Я.С. Вольденом у гражданина Л. Левина была найдена квитанция, выданная польской делегации Смешанной комиссии по репатриации, и зашитая в подкладку штанов на 1,6 млн польских марок. В ходе разбирательства по делу и длительной переписки Управления Негореловской таможни и Полномочного представительства Польши в Москве выяснилось, что данная квитанция гражданина Л. Левина является недействительной и подлежит изъятию¹⁷.

Отдельные случаи незаконной конфискации личных вещей и достаточно больших сумм денежных средств могли стать пово-

¹⁴ НАРБ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 91. Л. 75.

¹⁵ Там же. Ф. 129. Оп. 2. Д. 266. Л. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 35.

дом для дипломатического скандала, но благодаря стараниям сотрудников Отдела по делам стран Прибалтики и Польши НКВД РСФСР они разрешались мирно. Так обстояло дело с изъятием ценностей и денег на сумму 80 тысяч злотых у гражданки Латыниной. Кроме незаконной конфискации, родственники гражданки Латыниной обвинили работников Негореловской таможни в «неуважении к старости и грубом отношении». Данные жалобы поступили в Полномочное представительство Польши в РСФСР¹⁸.

18 сентября 1921 г. в ноте поверенного в делах Польши в РСФСР Т. Филипповича народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину содержались ультимативные требования польского правительства, касающиеся в том числе и дела организации репатриации, которые необходимо было выполнить до 1 октября. 22 сентября 1921 г. Г.В. Чичерин в ответной ноте указывал на тот факт, что репатриация проходит в рабочем порядке. Напряженность в советско-польских отношениях негативным образом повлияла на процесс репатриации, значительно его замедлив. Взаимные обвинения и выставления ультиматумов, угроза разрыва дипломатических отношений между сторонами выливались в почти полное прекращение работы приемного пункта на ст. Негорелое¹⁹.

7 октября 1921 г. во время встречи вице-министра иностранных дел Польши Я. Домбского с полномочным представителем РСФСР в Варшаве Л.М. Караханом был подписан протокол об условиях выполнения Рижского мирного договора, согласно которому было решено, что начнут свою работу реэвакуационная и специальная смешанные комиссии, территорию Польши покинут лица, подозреваемые в проведении антисоветской деятельности (Б. Савинков, Д. Одинаец и другие), произойдет выплата советской стороной компенсации за железнодорожное имущество, стороны приступят к охране границ от перехода нежелательных элементов и др.

В декабре 1921 г. Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак) объявило о ликвидации своих органов на местах. Вместо них в 1922 г. начали свою работу линейные эвакуационные пункты при крупных железнодорожных станциях и межтерриториальные базисные эвакуационные пункты. 31 января 1923 г. член Коллегии НКВД РСФСР Я.С. Ганецкий направил ноту поверенному в делах Польши Р. Кноллю, в которой сообщал о решении приостановить работу комиссии по репатриации, мотивировав это уменьшением количества лиц, желающих выехать

¹⁸ Там же. Л. 169–173.

¹⁹ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

эшелонным порядком за границы республик, не превышающего 20 тыс. человек.

Инициатива в приостановке процесса миграции гражданского населения принадлежала советской стороне по причине уменьшения количества людей, желающих выехать эшелонным порядком. В итоге 15 февраля 1923 г. было объявлено о прекращении работы российско-украинской делегации в Смешанной комиссии по репатриации и о приостановке эшелонной отправки. Аналогичные меры предлагалось предпринять польской стороне, в будущем вопросы о репатриации решать в дипломатическом порядке. Польское руководство предлагало продлить срок деятельности комиссии по репатриации до 1 февраля 1924 г., а в соответствующих отделениях (в Киеве, Харькове, Минске) до 15 января 1924 г. Подписание заключительного протокола Смешанной комиссии по репатриации произошло только 30 августа 1924 г., в результате чего массовая репатриация и деятельность комиссии были прекращены 1 сентября 1924 г. Все неоконченные репатриационные дела польская делегация передала в консульский отдел своей дипломатической миссии. В итоге количество репатриантов, выехавших массовым порядком в 1921–1924 гг. в Польскую Республику, составило более 1,5 млн человек.

Литература

- Бабков 2012 – *Бабков А.М.* Резвакуация Белэваком беженцев и военнопленных в 1922 г. // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2012. № 4. С. 120–127.
- Белова 2014 – *Белова И.Б.* Резвакуация беженцев Первой мировой войны из Советской России в 1922–1923 гг.: заключительный этап // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 11–21.
- Кодин, Родионов 2021 – *Кодин Е.Б., Родионов И.И.* Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // Новейшая история России. 2021. № 1. С. 72–88.
- Мезга 2019 – *Мезга Н.Н.* Советско-польские отношения 1921–1926 гг.: новый этап противостояния. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. 229 с.
- Ольшанский 1969 – *Ольшанский П.Н.* Рижский мир: Из истории борьбы советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 г. – март 1921 г.). М.: Наука, 1969. 260 с.
- Оплаканская 2015 – *Оплаканская Р.В.* Деятельность представительства Смешанной комиссии в Сибири по репатриации польских военнопленных в 1921 г. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 120–127.

- Цынкевіч 2001 – Цынкевіч В. Праблема рэпатрыяцыі бежанцаў і адкрыцце польскага консульства ў Мінску (1921–1924 гг.) // Беларускі журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. 2001. № 3. С. 76–83.
- Kumaniecki 1971 – *Kumaniecki J.* Po traktacie ryskim. Warszawa: Książka i wiedza, 1971. 282 s.
- Żołędowski 2017 – *Żołędowski C.* “Pierwsza repatriacja”. Powroty o przyjazdy osiedleńcze do Polski ze wschodu po I wojnie światowej // *Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny*. 2017. Z. 1 (63). S. 63–93.

References

- Babkov, A.M. (2012), “Re-evacuation of refugees and prisoners of war by Belevak in 1922”, *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*, no. 4, pp. 120–127.
- Belova, I.B. (2014) “Re-evacuation of World War I refugees from Soviet Russia 1921–1923: final stage”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 11–21.
- Kodin, E.B, Rodionov, I.I. (2021) “Repatriation of Polish prisoners of war from camps in Central Russia (1921–1922)”, *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 1, pp. 72–88.
- Mezga, N.N. (2019) *Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1921–1926 gg.: novyi etap protivostoyaniya* [Soviet-Polish relations in 1921–1926: a new stage of confrontation]. Gomel, Belarus.
- Olshanskii, P.N. (1969) *Rizhskii mir: Iz istorii bor'by sovetskogo pravitel'stva za ustanovlenie mirnykh otnoshenii s Pol'shei (konets 1918 g. – mart 1921 g.)* [Riga peace. From the history of the struggle of the Soviet government for the establishment of peaceful relations with Poland (late 1918 – March 1921)], Moscow, USSR.
- Oplakanskaya, R.V. (2015) “Activities of the representative office of the Mixed Commission in Siberia for the repatriation of Polish prisoners of war in 1920”, *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology*, vol. 9, no. 3, pp. 120–127.
- Cynkevicz, V. (2001), “Prablema repatryyatsyi bezhantsaŭ i adkrytstse pol'skaga konsul'stva ў Minsku (1921–1924 gg.)” [The problem of reparation of refugees and the opening of the Polish consulate in Minsk (1921–1924)]. *Belarusian Journal of International Law and International Relations*, no. 3, pp. 76–83.
- Kumaniecki, J. (1971) *Po traktacie ryskim*, Warsaw, Poland.
- Żołędowski, C. (2017) “ ‘Pierwsza repatriacja’. Powroty o przyjazdy osiedleńcze do Polski ze wschodu po I wojnie światowej” [The first repatriation. Return about settlement arrivals to Poland from the east after World War I], *Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny*, vol. 63, no. 1, pp. 63–93.

Информация об авторе

Ольга Н. Боровская, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь; 220072, Беларусь, Минск, Академическая ул., д. 1; borovskaya-olga@mail.ru

Information about the author

Olga N. Borovskaya, Cand. of Sci. (History), associate professor, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus; bld. 1, Akademicheskaya St., Minsk, Belarus, 220072; borovskaya-olga@mail.ru